

Т.П. Петерс

ПИСЬМО НА РОДИНУ ФРАНЦУЗСКОГО ОФИЦЕРА 21-го ЛИНЕЙНОГО ПОЛКА (ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА НАСЛЕДНИКОВ)

В статье, в рамках темы о трофейных письмах французов – участников кампании 1812 г., вводятся в научный оборот два письма из семейного архива одного из участников похода Наполеона I в Россию. Полный перевод с французского языка на русский выполнен автором статьи.

Хранитель семейного архива, господин очень преклонных лет, Адольф Лешевен д'Эр живет во Франции. Он является наследником участника наполеоновской кампании, потомком пятого поколения автора писем, которые приводятся ниже. Более подробной информацией о семье и авторе писем, составе и объеме архива (кроме того, что он большой) от хранителя семейного архива получить не удалось.

Однако некоторые из этих сведений удалось выяснить в результате небольшого исследования при переводе писем. Их автор был уроженцем франкоязычного региона Валлония в Бельгии, происходил из крестьянской семьи, его брат (вероятно, старший) состоял в должности мэра городка и коммуны Авин (наименьшей единицы административного деления Франции) провинции Эно региона Валлония. Однозначно ответить на вопрос, каким образом хранитель архива оказался гражданином Франции, не имея сведений от потомков, трудно. Можно предположить, что по окончании войны 1812–1815 гг. потомки автора писем (вероятно, в период Реставрации) переехали во Францию в провинцию Верхняя Нормандия, которая располагалась к западу от Парижа, что не столь далеко от их родного края. Примечательно, что и в Нормандии один из потомков, вслед за братом автора писем, находился на службе французского короля и был его представителем при бургомистре города Эр.

Фамилия хранителя семейного архива несет упоминание о должности предка – Лешевен д'Эр означает в переводе с французского «заместитель мэра (бургомистра), представитель короля в городском совете города Эр».

Письма, которые господин Лешевен д'Эр предоставил, являются машинописными копиями на французском языке, сделанными самим хранителем семейного архива или по его просьбе. Их оригиналы написаны на листах большого формата, пожелтевших от времени, с бурокоричневыми разводами и попорченными (подмоченными и высушенными) краями. Эти оригиналы г-н Лешевен д'Эр передал в архив Фонда русского зарубежья им. А. Солженицына, где они теперь и находятся.

Эти письма периода 1812–1813 гг. имеют подпись автора. Им был Фердинанд Дуаньон, уроженец провинции Эно во франкоязычном регионе Валлония в Бельгии. Оба письма адресованы на родину к брату, имя которого не названо, в коммуну Авин, расположенную на самом западе Бельгии. На начало кампании 1812 г. он имел чин сержанта, за Смоленское сражение был произведен в аджуданы. На период октябрь 1812 – январь 1813 г. он состоял в 21-м пехотном линейном полку 3-й дивизии 1-го армейского корпуса.

Их общий объем четыре листа (с оборотами), они написаны из Москвы и из Торна (в Саксонии) и датированы, соответственно, 5 октября 1812 г. и 1 января 1813 г. Автор писем использует новый стиль.

Он упоминает достаточное количество реалий: топонимов, гидронимов, имен собственных, названий воинских частей. Среди географических названий называются населенные пункты в России и Франции. Во Франции – города Авин и Турнэ в провинции Эно; в Саксонии – крепость Торн.

Названия населенных пунктов и рек в России автор тоже приводит (города Смоленск, Москва, Вильно), но нередко с искажениями. Например, он называет «лагерь Половиц близ Дюны», в котором его полк располагался 5 августа 1812 г. Если следовать из Москвы по письму Ф. Дуаньона и по карте за передвижением его полка по территории России, то можно выявить местоположение этого лагеря. На севере современной Белоруссии в Глубокском районе Витебской области имеется деревня Половица в междуречье рек Двины и Дисны. Под названием «Дюна» автор, вероятнее всего, имел в виду р. Дисна.

В случаях, когда автор писем не называет населенные пункты, можно их восстановить по косвенным признакам. Например, запись «У отважного генерала Гюдена оторвало ногу по ляжку» соотносится со сражением

при Валутиной горе; описание боев под датой «7 сентября» – со сражением при Бородине.

Помимо имени погибшего дивизионного генерала Шарля-Этьена Гюдена де Ла Саблоньер, командира 3-й пехотной дивизии 1-го корпуса, автор называет других военачальников и воинские части, но только своей армии: командующего 1-м корпусом маршала Даву, императора Наполеона, маршала Мюрата, 3-й корпус и его командующего маршала М. Нея.

Факты, известные по исследованиям российских историков, в письмах находят свое подтверждение: состояние наполеоновской армии, цифры потерь, места сражений 3-й дивизии, ранение и смерть генерала Гюдена, дислокация 21-го линейного пехотного полка 3-й дивизии в Москве.

**Письма Фердинанда Дуаньона,
адъютанта 21-го линейного полка 3-й дивизии
из 1-го армейского корпуса наполеоновской армии**

№ 1

Москва, 5 8/бря (октября) 1812

Господину Дуаньону,
Мэру коммуны д'Авин

Я получил недавно письмо от брата Франсуа, в котором он пишет о новом несчастье, постигшем вас после урагана 27 июля. Я с радостным нетерпением ждал его письмо в надежде узнать об успешном завершении жатвы; но с огорчением узнаю, что нам повезло не более, чем в прошлом году. Что за неприятная новость для меня; по всей вероятности, предсказано свыше, что счастья нам никогда не видать.

Я не стану распространяться далее обо всех этих невзгодах, которые на время заслонят другие мысли касательно описания вам теперешней кампании, какой я ее увидел. Я начну с того времени, когда написал вам свое последнее письмо, если мне не изменяет память, от 5 августа из лагеря Половиц близ Дюны. Оно было адресовано моему брату Франсуа. Так вот, несколько дней спустя мы вышли из этого лагеря на соединение с 1-м корпусом под командованием принца Экмюльского (Даву). 10 августа мы с ним соединились, и на следующий день, не теряя времени, армия выступила маршем во главе с Императором и Неаполитанским королем. Мы двигались непрерывно к Смоленску, чтобы настигнуть

неприятеля. Однако когда 16 числа мы добрались до высот Смоленска, то увидели, что неприятель оставил город. Были там только наши аванпосты. Мы ночевали на расстоянии пушечного выстрела от стен города, не подвергаясь беспокойству со стороны неприятеля. Наутро нас разбудили редкие выстрелы пушек, извещавшие атаку¹. Тотчас же по команде все дивизии взялись за оружие, и с криками «Да здравствует Император!» мы двинулись на врага. После нескольких попыток нам удалось выгнать неприятеля с его позиций и заставить его отступить в гласис². Там разразился мощный пушечный огонь с обеих сторон, так что, несмотря на удвоенные усилия, нам не удалось уйти далее занятых позиций. Император, в ярости от столь долгого сопротивления неприятеля, приказал поджечь город. Тотчас же отовсюду начался артиллерийский огонь, заставивший дрожать небо и землю, и менее чем за полчаса город оказался во власти пламени. К вечеру артиллерии был дан приказ прекратить огонь, и с наступлением дня все закончилось. Мы ночевали на расстоянии половины ружейного выстрела от позиций врага.

От пожара в городе шло такое зарево, что без труда можно было читать; не было зрелища более страшного, чем пожар такого города, как Смоленск (мы еще увидим немало других).

На следующий день рано утром была отправлена разведка с целью установить местонахождение противника; узнали, что враг вышел из Смоленска. Немедля мы снялись с лагеря и вошли в город под звуки военной музыки, обжигаясь от жара пламени, которое пожирало еще дворцы и дома. Этот город, по многим признакам, был столь же большим, как наш Турнэ, уцелело менее 30 домов, не доставшихся огню. Следует отметить, что половина из них построена из дерева; в этом деле мы потеряли 300 человек ранеными и убитыми. Мы отдыхали весь день 18 числа, солдат укомплектовали 500 картушами, а 19 числа был получен приказ выдвигаться вперед. К 2-м часам пополудни, когда мы петляли по извилистой дороге вдоль стен Смоленска, неожиданно послышалась канонада в окрестностях, в двух лье от нас. Мы шли уверенным шагом, и чем ближе подходили, тем громче слышались выстрелы пушек. В 4 часа мы вступили в овраги, откуда раздавались выстрелы, они гремели совсем близко, так что осколки снарядов, разрывающихся на лету, начали сыпаться на нас, хотя мы были укрыты невысоким холмом. Позиция русских находилась за этим холмом, который нам служил защитой от ядер.

Мы пересекли небольшую равнину, площадью в несколько арпанов, за ней возвышалось что-то вроде горы, которая, как и те, что нам

попадались раньше, была покрыта кустарником; там расположилась часть русских; вершина горы была увенчана плато, на котором сосредоточились все их силы. Вот оттуда нас обстреливали пушки. 3-й армейский корпус³, после многократных попыток ею овладеть, отступил, не добившись успеха и с большими потерями. Наша дивизия тотчас получила приказ ввязаться в бой и отобрать у них позицию, нам приказали двигаться повзводно массированно, и едва мы начали спуск с холма, о котором я писал, как по нам открыли страшный пушечный огонь, который унес жизни многих из нас. Но он никоим образом не остановил наше движение. У нас немедленно дали сигнал атаки, и мы попытались взобраться по склону, несмотря на град гранат, ядер и картечи. Наконец, после двухчасового сражения, мы смогли овладеть их позицией, правда, с потерями. У отважного генерала Гюдена⁴ оторвало ногу по ляжку, и он умер несколько дней спустя. Мы ночевали на плато, где прежде были русские, среди тел умерших и умирающих, и, если задуматься, зрелище было ужасное! На следующий день Император сделал смотр дивизии, было много продвижений, он нас поблагодарил и сказал, что мы имели дело с 30 000 русских. После этого сражения меня произвели в адъютанты. С радостью сообщаю вам эту новость.

Меня зацепило в этом сражении. Я получил легкую контузию в голову от разорвавшейся гранаты. Мы простояли лагерем весь день 20 августа, а 21 числа выступили маршем совершать другие подвиги. Однако наша дивизия сильно ослабела. В ней насчитывалось не более 3 000 человек⁵. День за днем мы шли по 5–6 часов, безуспешно пытаясь настигнуть противника. Один наш авангард стремительно гнал его, и мы слышали непрерывную канонаду на расстоянии в 2 лье, мы не имели никаких дел, которые могли бы удостоиться моего рассказа, кроме сражения 7 сентября. Вы непременно о нем узнаете из бюллетеней. На следующий день через прокламацию неприятель известил нас о начале сражения, и мы услышали первые пушечные залпы. У русских была наивыгоднейшая позиция, которую защищал почти неприступный редут. Вот эта батарея наносила нам удары, которые трудно представить. Мы были под обстрелом 4 часа. Окончательно доведенные до ярости таким долгим сопротивлением, по сигналу атаки, прозвучавшему по всей дивизии, мы бросились вперед прямо на батарею с криками «Да здравствует Император!». Наши вступили на нее одновременно с несколькими кирасирскими полками. Опрокинуть батарею, уничтожить канониров подле их орудий было делом момента⁶. Остаток дня мы гнали русских со всех их позиций.

В тот незабываемый день потери моего полка составили 600 человек. Много генералов. Князь Экмюльский (Даву) был слегка ранен. На следующий день мы выступили по дороге на Москву. До нее было еще 35 лье. В Москву мы вошли 14 сентября без единого выстрела. Я забыл вам сказать, что отступая, русские сжигали все: города, деревни и весь собранный урожай хлеба. Они принуждали жителей покидать их жилища, из-за чего мне не довелось еще увидеть ни одного русского человека. Несмотря на картины пожаров, пожиравших все на нашем пути, мы питали надежду, что они не навредят Москве и что мы найдем в этом городе немало запасов. Но нет! Покидая город, они увезли с собой все пожарные помпы и подожгли город с 4-х концов. Вечером в день нашего вступления мы видели, как огонь вспыхнул сразу в нескольких местах и переносился молниеносно в другие части города, так что выгорело $\frac{2}{3}$ зданий. Москва является одним из крупнейших городов мира, ее окружность составляет более 15 лье, в ней сосредоточено нескончаемое множество зданий, монастырей, по подсчетам, имеется 4 000 дворцов, из которых 82 деревянные, а 182 – каменной кладки. Все они сгорели. Дворец Петра Великого, прежнего царя, уцелел. Там расположился Император; сгоревшие окрестные храмы, дворцы, обывательские дома все еще дымятся. Из любопытства я ходил посмотреть громадный колокол ... [неразборчиво], толщина его стенок невообразима. Могу сказать вам, что вверху на его куполе можно спокойно прогуливаться. Нужно сделать 16 размеренных шагов, чтобы обойти его верхушку. Он весит 480 000 ливров*, есть еще другой колокол весом в 142 040 ливров.

Теперь мы живем в казармах в пригороде⁷. О мире никто не говорит, даже предполагают, что нам предстоит еще генеральное сражение. Заканчиваю свое длинное сообщение в надежде, что этого не случится, потому что я на самом деле измотан. До прихода сюда я почти в течение шести месяцев не переступал порог человеческого жилища. Прощайте, дорогой брат; расцелуйте за меня мою матушку и передайте ей, что я беспрестанно молюсь за продолжение ее дней.

Фердинанд Дуаньон, адъютан.

Приветы всем моим друзьям, а также Господину Кюре и Мадемузель, его племяннице. Скажите ей, что я ужасно жду ее письма после моих новостей. Вот мой адрес: Ф.Д., адъютан 21-го линейного полка, 3-й дивизии из 1-го армейского корпуса Великой Армии в Москве.

* Устаревшая французская единица веса; 1 ливр = 489,5 г.

P.S. Поскольку я нахожусь по меньшей мере за 700 лье от вас, то надеюсь, что вы не замедлите написать мне, чтобы я хотя бы через два месяца мог получить вашу весточку.

№ 2

Торн, 1 января 1813

Господину Дуаньону,
Мэру коммуны д'Авин.

Дорогой брат.

Успокойтесь, я числюсь среди возвращающихся. С моим здоровьем все хорошо. У меня всего-навсего отморозило левую пятку, что, однако, помешает мне двигаться далее пешком, если мы выдвинемся из этого города, а о выходе разговоры уже идут.

Я не собираюсь распространяться в подробностях о том, что мы испытали во время нашего отступления, ведь вас об этом в достаточной мере оповестило общественное мнение. Тем не менее дух поддерживает мысль о том, я вам повторю это много-много раз, что все перенесенные нами невзгоды и невообразимые опасности, что голод, изнеможение, холод, заставлявшие нас страдать, представляются не иначе как чудо, которое дало нам силы пережить все.

Я бы, уж конечно, оказался во власти русских, если бы Господь-покровитель не защитил меня. В тот день, когда мы вступили в Вильно, мороз кусался до 25 градусов. Одежда на мне была легкая, есть мне было нечего, но меня спасли деньги, что-то около трехсот франков, которые мне перепали по великой случайности; они мне были как раз кстати, потому что при мне не оказалось ни су. Несколько дней спустя нога моя так разболелась, что я не мог больше передвигаться; я плелся уже позади арьергарда, так что был на грани оказаться в плену у злобных казаков. Тогда я употребил те деньги для помощи себе; мне посчастливилось найти сани, на которых я до Вильно и добрался, что обошлось за все дни пути в два талера, не считая пропитания.

В конце концов я выбрался, чего я только и желал. Остальные деньги я потратил на покупку самого необходимого. Почти вся Армия потеряла свой багаж, я тоже, соответственно мой гардероб перепал русским из-за недостатка лошадей. Также на мне остались только паразиты, поэтому я сжег всю свою одежду по прибытии в Торн.

Не следует думать, что все по вине Русских, которые ни разу не одержали над нами верх, только нищета уничтожает Армию и полностью ведет

нас к несчастью. Почти все, кто спасся, отморозил себе какие-либо части тела, кроме моей ноги, мороз прихватил кончик носа и много пальцев, но они уже зажили.

Мы выступили из Москвы 18 октября и прибыли в Торн 25 декабря⁸, что составило два месяца непрерывного марша, мы не заходили в жилища, ночевали на биваках, ничем не питались и не могли ничего раздобыть из съестного, потому что неприятель, которого мы постоянно преследовали, сжимал нас с флангов, что мешало нам заходить в деревни за провизией, и вот в течение шести недель нас одолевала самая жестокая болезнь – голод! Из пищи нам перепала лишь павшая лошадь, из-за которой устраивались драки.

Я вынужден остановиться, потому что мне придется описывать правду, в которую невозможно поверить. Вам достаточно будет узнать, что в нашем полку насчитывалось 3 500 человек, вернулось 200 человек, из них почти половина – калеки.

Адрес: Дуаньон, адьюдан 1-го батальона 21-го линейного полка, 3-я дивизия, 1-й корпус Великой Армии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ 17 августа дивизия атаковала Мстиславльское предместье, ее потери составили 1 731 человек, в том числе 294 убитыми; подр. см.: Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2004. С. 716.

² Гласис – пологая часть насыпи треугольной формы перед наружным рвом укрепления.

³ По расписанию Великой армии на июнь 1812 г. 3-м армейским корпусом командовал маршал М. Ней; подр. см.: *Подмазо А.А.* Большая Европейская война 1812–1815 года: Хроника событий. М.: РОССПЭН, 2003. С. 224.

⁴ Гюден де Ла Саблоньер Шарль-Этьен (1768–1812), граф, французский дивизионный генерал, командир 3-й дивизии 1-го корпуса Даву, смертельно ранен при Валутиной Горе 7 (19) августа 1812 г., умер в Смоленске 10 (22) августа 1812 г.

⁵ В сражении 19 августа части дивизии под ружейным и картечным огнем форсировали р. Страгань, атаковали отряд генерал-майора П.А. Тучкова и отбросили его. Продолжив наступление, части дивизии штыками опрокинули Екатеринбургский гренадерский полк (генерал Тучков был ранен и взят в плен). Потери дивизии – 2 297 человек, в том числе 95 офицеров; подр. см.: Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. С. 716.

⁶ 7 сентября дивизия заняла позицию позади Семеновского ручья, в резерве 1-й пехотной дивизии. Около 9 ч. утра и около 15 ч. ее части участвовали в атаках на Курганную батарею. Во время второй атаки 21-й линейный пехотный полк ворвался на батарею с ее левого фаса, позже выдвинулся и ружейным огнем отразил натиск русской конницы; подр. см.: Там же.

⁷ С 15 по 19 сентября дивизия размещалась у западных окраин Москвы, затем квартировала в самом городе (в Хамовнических казармах); подр. см.: Там же.

⁸ К 31 декабря 1812 г. уцелевшие офицеры и солдаты дивизии были собраны в Торне. В феврале 1813 г. дивизия расформирована; подр. см.: Там же.